

Г. С. Петкевич

*Литовский эдукологический университет
(Вильнюс, Литва)*

«БЫЛИННАЯ ГЕОГРАФИЯ» В СЕМАНТИЧЕСКОЙ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ – ЧУЖОЙ»

Одним из важнейших элементов национальной картины мира, народной культуры в целом является семантическая оппозиция **«свой – чужой»**. Она играет ключевую роль во многих верованиях, обрядах, в хозяйственной практике и общественном быту, в религиозном и семейном этикете. Испокон веков представления о «своих» и «чужих» базировались на антропо- и этноцентризме: «свое» почти всегда воспринималось как истинное, праведное, заслуживающее доверия, а «чужое» считалось ложным, ненадежным, а то и просто вредным. С течением времени данная антитеза, к сожалению, не утратила своей актуальности, о чём свидетельствуют ежедневно радио- и телевизионные новостные сообщения.

В повествовательных жанрах русского фольклора – волшебных сказках, былинах и быличках – оппозиция **«свой – чужой»** во многом определяет характер конфликтов, взаимоотношений и поведения персонажей. Однако сходство по основным параметрам не исключает и существенных различий. Противопоставление «своих» «чужим» играет не менее важную роль в пословицах, в духовных стихах (антитеза «христиане – язычники»), в исторических песнях, в лирической поэзии, в поверьях и народных обрядах (своя и чужая семья, деревня; родная земля и чужбина; «правильные» и «неправильные» обычаи и обряды). Даже детские игры, как правило, начинаются с жеребьевки или считалки – разделения играющих на две группы, которые затем противостоят друг другу и воспринимаются участниками игры как «своя» и «чужая».

В конкретных произведениях для реализации универсальной оппозиции **«свой – чужой»** используется целый ряд производных от нее антонимических пар: **«люди – нелюди»**, **«живые – мертвые»**, **«свои – чужие»** в родовом, семейном, этническом, языковом, конфессиональном плане. «Свои» по общности целей

противопоставляются конкурентам, претендующим на тот же объект, которым стремится завладеть герой (соперничество из-за власти, имущества, невесты и т.д.). Во многих сюжетах важное значение приобретает социальный статус персонажей («*бедный – богатый*», «*обладающий властью – бесправный*»). Указанные антонимические пары крайне редко выступают в чистом виде; они переплетаются, дополняют и уточняют друг друга. К тому же статус персонажа фольклорного произведения – величина переменная. В зависимости от конкретных обстоятельств и своего поведения он временно или навсегда может оказаться в положении «*своего среди чужих*» или «*чужого среди своих*» (сказки и былички о подмененных чертями детях, о колдунах, оборотнях, «ходячих покойниках»; о братьях, по стечению обстоятельств выросших в разных социальных группах и т.д.). Благодаря правильному поведению герой сказки может обзавестись «своими» и на чужой территории. Вспомним, как часто сказочные герои оказывают услуги корове, яблоне, печке, воротам, птице, незнакомому старцу и т.д.; позднее эта помощь возвращается им сторицей. «Свой» в родовом и этническом отношении временно или навсегда может стать территориально «чужим» (плененный врагами богатырь, похищенная змеем родственница героя, вышедшая замуж в другую деревню сестра). Иногда он резко отличается от близких по своему бытовому и обрядовому поведению (вероотступник; изменник; человек, после смерти жены вознамерившийся жениться на собственной дочери). И в сказках, и в былинах приключения героя обычно начинаются с того, что он покидает относительно безопасное «свое» пространство и оказывается в «чужом» мире. В мифологических сказаниях основные события тоже происходят на «чужой» или приграничной территории (кладбище, брошенное и забытое людьми одиночное захоронение, развалины домов и хозяйственных построек, перекресток дорог, болото, лес и т. п.) да еще и в самое опасное время.

В произведениях разных эпических жанров частично отличается набор признаков, по которым распознают «своих» и «чужих». В мифологических сказаниях и некоторых циклах преданий акцент переносится на необычную внешность демонических персонажей (исполинский рост великанов; способность к оборотничеству; вывернутая наизнанку и застенутая справа налево верхняя одежда лешего или водяного; хвосты, копыта и маленькие рожки у чертей, принявших человеческий облик). У тех, кто перешел из категории «своих» в категорию «чужих»,

подчеркиваются бросающиеся в глаза аномалии в поведении (правда, заметить их можно, лишь прибегнув к магическим средствам). Приобщившиеся к «бесовскому ремеслу» колдуны и чернокнижники не носят нательных крестов, в церкви стоят спиной к алтарю, держат свечи комлем вверх и т.п. В волшебных сказках подобные признаки либо вообще отсутствуют, либо сильно приглушены (уродливая внешность Бабы-Яги, огромные размеры великана или Ногай-птицы; мужичок сам с ноготь, борода с локоть). В произведениях этого жанра на первый план выдвигаются каннибальские (людоедские) наклонности мифических существ (у них даже жилище порой сооружено из человеческих костей, а забор увешан черепами), а также сверхъестественные способы передвижения (они летают по воздуху, иногда пользуясь нетрадиционными, послушными только им, средствами – ступой, метлой). Задействован в сказках редкий способ опознания по запаху: «*Фу-фу, русским духом пахнет!*» Люди, населяющие соседние царства, в сказках изображаются так же, как и «свои»; как правило, в текстах не отмечаются этнические, религиозные или языковые различия, своеобразие бытового уклада, обычаев и обрядов. Такая же картина наблюдается в произведениях не-сказочной прозы. Исключение составляют сюжеты исторических преданий, повествующих об осквернении церковей захватчиками-иноверцами, и некоторые мифологические сказания о колдунах (этнически «чужим», прежде всего язычникам, повсеместно приписывается особая магическая сила).

Наиболее сложная, многоуровневая система «опознавательных знаков» обнаруживается в *былинах*. В архаичных сюжетах богатырям противостоят великаны и мифические существа, как и в сказках, в них акцентируются их гигантские размеры: богатырь русский Святогор – головой «упирает под облако ходячее», кладет в карман Илью Муромца вместе с его конем:

*Поглядел богатырь в руку правую,
Увидал тут Илью Муромца,
Он берет Илью да за желты кудри,
Положил Илью да он к себе в карман,
Илью с лошадью да богатырской...*

(«Илья Муромец и Святогор»)

Весь облик былинного Идолища Поганого вызывает ужас и содрогание:

*...Как есть у нас погано есть Идолище
В долину две сажени печатных,*

*А в ширину сажень была печатная,
А головище что ведь люто лохалище,
А глазища что пивные чашища,
А нос - от на роже он с локоть был».*

(«Илья Муромец и Идолище в Царе-граде»)

Необходимо вспомнить и героя многих былин – Соловья-разбойника, сидящего на семи дубах, который так свистит по-соловьиному, шипит по-змеиному да кричит по-звериному, что *все травушки-муравушки улетаются, тёмные леса к земле приклоняются, а что есть людей – все мертвы лежат*. Дополняя эти «визуальные» характеристики, многие сказители подчеркивают прожорливость эпического противника (он за один присест съедает жареного быка, хлеб из семи печей и т.п.), его громовой голос (от свиста упомянутого Соловья-разбойника в Киеве рушатся терема; от крика Сокольника *сырые дубы погибалися, сухие дубы поломалися; новые терема пошаталися, старые терема повалялися*). Однако в большинстве былин в роли «чужих» выступают люди, представители других этносов.

Соотношение между исторической действительностью и художественным вымыслом в русских этнических песнях отнюдь не однозначно; наряду с явными фантазиями присутствуют факты и детали, отражающие реальную жизнь Древней Руси и её соседей. За многими былинными эпизодами угадываются социальные и бытовые отношения, военные и общественные конфликты. Значительная часть имен собственных отражает исторически достоверные антропонимы и этнонимы, реальные топонимы. В эпосе прослеживается тенденция различать западных и восточных соседей по титулам, которые закрепились за представителями верховной власти. В русских городах правят князья, в западно-европейском мире – короли, в странах востока и юга – цари. Первым обратил внимание на эту закономерность известный филолог-славист, фольклорист П.А. Бессонов в «Приложениях» к сборнику П. В. Киреевского (Киреевский 1860–1864: Вып. IV, CXV). Иногда цари противопоставляются королям в пределах одного текста:

*А углицки мужики были лукавья,
Город Углич крепко заперли
И взбегали на стену белокаменну,
Сами оне ево обмановают:
«Гой еси, удалой доброй молодец!
Поезжай ты под стену белокаменну,*

*А и нету у нас царя в Орде, короля в Литве,
Мы тебе поставим царем в Орду, королем в Литву.*

(«Царь Саул Леванидович и его сын»)

Видимо, нет необходимости подробно останавливаться на изображении в былинах семейного и общественного быта соседних народов. За исключением этнической и религиозной принадлежности в эпосе доминирует принцип максимального сближения «своих» и «чужих». Это касается разных сторон жизни – от жилища и одежды до представлений об идеале женской красоты и свадебных обычаев. В прионежских вариантах старины «Дунай-сват» литовский король упрекает богатыря, который сватает за князя Владимира его младшую, а не старшую дочь:

*Отрубил ты мни словом буйну голову,
А засадил у меня старшу дочь да во девочесьви.*

Вряд ли это связано с литовским свадебным обычаем, аналогичным русскому, скорее всего, перед нами еще один пример механического перенесения деталей их «своего» мира в «чужой».

При знакомстве с «былинной географией» бросается в глаза, что в былинах представлены далеко не все реальные западные страны, некоторые из них упоминаются довольно редко. К примеру, **Швеция** встречается только в перечислительном ряду, возможно потому, что рифмуется с **Турцией** (*Швеция – Туреция*). Отдельно название этой страны находим только в былине о Михайле Потыке. Песня эта, как и многие другие былины киевского цикла, начинается с картины пира у князя Владимира, на котором хозяин *намётывает службу* на богатырей. Илью Муромца он посылает в Золотую Орду, Добрыню – в Турцию, а Потыка – в Швецию (Гильфердинг 1949–1951: №150). Князь поручает им собрать дань с подвластных народов – мотив, довольно редкий в русском эпосе. В текстах пудожанина Никифора Прохорова и его преемников находим еще более необычную формулу: «*Кори-тко ты языки там неверныи, прибавляй земельки святорускии*» (Гильфердинг 1949–1951: №52).

Смутно представляя себе, где находятся реальные Швеция или Туреция, исполнители довольно часто допускали логические неувязки. Иногда в Литве оказывается и *король прусский* (Гильфердинг 1949–1951: №269), но это не воспоминание о пруссах, балтском народе, а, скорее всего, перенесение из исторических песен о русско-пруссских войнах. В одной из старин используется постоянный эпитет *булат иверьянский*. Маловероятно, что имеется в виду испанская провинция Иберия (древнее название

Испании, по наименованию населявших ее иберийских племен). Скорее всего, эпитет навеян древним названием географически гораздо более близкой **Грузии** (Иверии). С той же **Испанией** формально можно связать популярный эпитет *сарацинский* (*пшено, дубина, гора, гуня* и др.). Однако в русском эпосе он превратился в условное понятие, обозначающее далёкие страны. Видимо, довольно поздно в былины из народной лирики проник эпитет *тальянский* (*платок, платье*). С Аппенинским полуостровом связан и топоним *Римский город* вместо Киева (Григорьев 2002–2003: №128). Вероятнее всего, это механическое перенесение из духовного стиха «Алексей, человек божий».

Многие исследователи склонны связывать с названием итальянской **Венеции** упоминаемый в былине «Соловей Будимирович» город *Леденец / Веденец / земля Веденецкая*:

*Тут-то млад Соловей сын Будимирович
Не венчался во славном во городе во Киеве,
Поехал в свою землю Веденецкую
На тех-то на черных на кораблях.*

Но не исключено, что слово *Веденец* навеяно польским названием Вены – Wiedeń (Ведень). Других деталей, которые можно связывать с **Италией**, в былинах не обнаружено. Изредка сказители упоминали *Землю угорскую*. Но опять-таки связь этого топонима с древним наименованием **Венгрии** маловероятна. Видимо, это название условно-поэтическое, образованное от слова *угор* (гора, холм, возвышенность), характерного для севернорусских говоров. Сравните – *дальна земля, Загорская* в сборнике Кирши Данилова (Евгеньева, Путилов 1977: №26).

Болгария, Чехия, Сербия, Норвегия, Голландия, Франция и ряд других европейских стран вообще не упоминаются в русских эпических песнях. **Англия** и **Дания** фигурируют в единичных текстах: *стекла аглицьки* (Киреевский 1860–1864: Вып. I, 77) (вероятнее всего, позднее перенесение из авантурных лубочных сказок), *земля датская* (Гильфердинг 1949–1951: №217). **Германия** как государство в былинах не упоминается, но в них часто встречается постоянный, как правило, идеализирующий эпитет *немецкий*: *дорога, застава, царство, языки* (то есть народы), *жеребцы, трубки* (подзорные трубы), *покрой, замки* (Евгеньева, Путилов 1977: №49; Гильфердинг 1949–1951: №187) и *стекло немецкое не простое* (Свод русского фольклора: 1, №125, 126). Видимо, в целях идеализации иногда *немецкими* называют даже гусли – сугубо русский музыкальный инструмент (Гильфердинг

1949–1951: №187). В большинстве случаев это слово является общеэпическим условным обозначением чего-то западноевропейского; не случайно *немецкими* часто оказываются изделия из металлов. Непосредственно с Германией правомерно связать лишь словосочетание *кирка соборная*, в которой Василий Окулович венчается с похищенной женой царя Соломана. Эта деталь есть только в вариантах кенозерских сказителей И. Сивцева-Поромского и его родственницы А. Артемьевой (Соколов, Чичеров 1948: №218). Любопытно, что некоторые потомки Сивцева заменили непривычную формулу типовым былинным словосочетанием *Божья церковь*, правда, оговаривались, что персонажи *брали венец по-своёму* (Соколов, Чичеров 1948: №208). Поздним вкраплением в былинные тексты можно считать и словосочетания *ренский погреб*, *ренское вино* (Свод русского фольклора: Т.1, №43, 44).

Вторым весьма распространённым эпитетом, обобщённо указывающим на западноевропейское происхождение каких-то предметов, животных и т.п., является слово *латинский* (*дорога, платье, жеребцы, застава* и др.). К примеру, герой одной из старин намеревается *вострубить в трубу да по-латынскому* (Миллер 1908: №79), а предводитель вражеского войска угрожает *православную веру облатынить всю* (Григорьев 2002–2003: №320Ю323; Свод русского фольклора: II, №199).

Обобщая вышеизложенные факты, можно констатировать, что большинство европейских стран упоминаются в героическом эпосе довольно редко, причём в ряде случаев мы имеем дело с поздними перенесениями из других жанров фольклора – лирических песен, баллад, исторических песен. Исключение составляют ближайшие северо-западные соседи – **Польша** и **Литва**. Правда, слова *Польша*, *польский* в былинах практически отсутствуют, их заменяют эпитеты *ляховинский / ляхоминский*. Народный термин *поляница* (женщина-воительница, которая *полякует в чистом поле*) вряд ли этимологически связан с Польшей, как и словосочетание *вороны польские* (Рыбников 1909–1910: №129). Скорее всего, они образованы от слова *поле*. Заметим, что одно из древних его значений – «*бой / поединок*». В одной из печорских старин Тугарин вызывает Алешу Поповича на единоборство такими словами: «*Ты будь-кё, Олёша, со мной на поле*» (Свод русского фольклора: 1, №115). За киевским богатырём, соратником Добрыни, закрепилось польское (литовское) по происхождению отчество – *Василий Казимирович*.

В большинстве былин о женитьбе князя Владимира, записанных в Архангельско-Беломорском крае, невеста родом из *Ляховинского королевства*, а в записях из бывшей Олонецкой губернии – из *Литвы*. Если в северо-восточных регионах доминируют негативные по семантике постоянные эпитеты *Литва поганая / проклятая / некрещёная* и даже *кособрюхая* (очевидное влияние популярного здесь эпитета *бояре кособрюхие*); то в Заонежье довольно часто встречаются мини-формулы *Литва хоробрая / славна*. Этот эпитет в основном фиксировался в Кижях, у сказителей, считавших своим учителем Илью Елустафьева. Но он есть и в одной из былин с далекого Алтая (Гуляев 1939: №25).

Соседнюю **ЛИВонию**, находившуюся под властью ордена меченосцев, сказители аттестовали не столь доброжелательно:

*Тая земля пребогатеюща,
Много есть злата и серебра,
Много есть бессчётной золотой казны,
Силы-войска-рати маломошица...*

(Рыбников 1909-1910: №135)

Отметим, что ещё чаще Литва упоминается в исторических балладах «Молодец и королевична», «На литовском рубеже», «Вдова и три дочери» и др.

Как и при описании стран восточного мира, в былинах представители чужого этноса, особенно второстепенные персонажи, нередко наделяются славянскими именами – короли *Силеван*, *Семен*, дочери литовского короля *Апраксия*, *Анастасия*. С другой стороны, сама форма имён иногда указывает на принадлежность человека к «чужому» этносу: литовский король *Цимбал*, *Чембал*, *Чурал*, в одном из вариантов использовано тюркское имя *Чолпан* (Тихонравов, Миллер 1894: №69). Литовские по происхождению имена, связанные с реальными историческими личностями, встречаются лишь в отдельных вариантах: *Сухман Домантьевич* (от имени князя Довмонта), *Мануил сын Ягайло*, литовский король *Жиман*, *Этмануйло Этмануйлович / Этмануйло Этмануйлович*, образованное от слова «*etmonas*» – «*гетман*». Эти факты проанализированы в монографии профессора Ю.А. Новикова (Новиков 2000: 22 – 24).

Некоторые имена собственные явно связаны с Польшей. В Прионежье бытовала редкая старина «Королевичи из Крякова», где название города восходит к наименованию Кракова, древней столицы Польши. Однако сказители считали этот город русским. В одном из архангельских вариантов былины о первой поездке Ильи Муромца богатырь освобождает осаждённый врагами рус-

ский город Кряков – *морят Кряков обсадою голодную* (Киреевский 1860–1864: IV, 1). Кижанин Василий Щеголёнок в былине «Илья Муромец и Идолище Поганое» перенёс действие из Киева в город Кряков (Гильфердинг 1949–1951: №120).

Несмотря на обилие исторически достоверных названий средневековых городов, стран, соседних и дальних народов, в былинах очень часто обнаруживаются смысловые неувязки. Как уже отмечалось, в Литве иногда правит шведский король, а его подданными являются *татаровья поганые*; в былине «Дунай» Жиман именуется то польским, то литовским королём (Гильфердинг 1949–1951: №272); эпитет *заморский тур литовский* перемещает Литву за моря; некоторыми сказителями литовская земля осознавалась как Орда.

В заключении отметим, что в последнее время предприняты попытки рассмотреть отношение русского эпоса к представителям Востока и Запада сквозь призму войны и любви: войны с Востоком – основное содержание былинного эпоса; тюрки – это враги, брак с ними позорен; европейцы – свои, брак с ними – норма, войн с ними не бывает. Приведём одну из таких цитат: «Совершенно обратная картина с Западом: все многовековые войны с поляками, Литвой, Орденом, варягами, шведами былинный эпос попросту игнорирует. В «брачной» тематике, напротив, Западу уделяется гораздо больше внимания. Князь Владимир берёт себе жену из земли Ляховицкой или Поморьянской. В Поморьянской земле находит себе жену и богатырь Святогор. В Ляховицкой земле – невеста богатыря Дуная. <...>Илья Муромец живёт с некой вдовой в «Тальянской земле». <...> Всё это воспринимается былиной, как вполне нормальные явления» (Прозоров: интернет). Данную точку зрения можно оспорить. Есть эпические песни о военных столкновениях с западными или северо-западными соседями: «Наезд литовцев»; «Чудь белоглазая» – редкая версия сюжета «Камское побоище» (Соколов, Чичеров 1948: №215); историческая баллада «На литовском рубеже» (Евгеньева, Путилов 1977: №54) и др. А тема сватовства в сознании сказителей не обязательно ассоциируется с западным былинным миром («Сватовство Идолища», «Лука, змея и Настасья», историческая баллада «Князь Роман и Марья Юрьевна» и др.). Брачные мотивы устойчиво связываются с Литвой или Польшей лишь в сюжете «Дунай-сват». Однако в сборнике Кирши Данилова невеста князя Владимира родом из Золотой Орды, а Волх Всеславьевич в финале былины женится на «индейской царице» (Евгеньева,

Путилов 1977: №6, 11). Таким образом, и эту тенденцию нельзя абсолютизировать.

ЛИТЕРАТУРА

- Архангельские былины и исторические песни, собранные А. Д. Григорьевым в 1899–1901 гг. – Т. 1–3. – Санкт-Петербург, 2002–2003.
- Былины в записях и пересказах XVII–XVIII веков / Изд. подготовили А. М. Астахова, В. В. Митрофанова, М. О. Скрипиль. – Москва; Ленинград, 1960.
- Былины и исторические песни из Южной Сибири. Записи С. И. Гуляева. – Новосибирск, 1939.
- Былины: В 25 томах. (Свод русского фольклора). – Санкт-Петербург; Москва, 2001. Т. I–II: Былины Печоры; 2003–2006. Т. III–V: Былины Мезени.
- Древние российские стихотворения, собранные Киршею Даниловым / Подготовили А. П. Евгеньева и Б. Н. Путилов. – Москва, 1977.
- Миллер В. С. Очерки русской народной словесности: Былины. / В. С. Миллер. – Москва, 1897. Т. 1; 1910. Т. 2; 1924. Т. 3.
- Новиков Ю. А. Сказитель и былинная традиция. / Ю. А. Новиков. – Санкт-Петербург, 2000.
- Онежские былины / Подбор былин и научная редакция текстов Ю. М. Соколова; Подготовка текстов к печати, примечания и словарь В. Чичерова. – Москва, 1948.
- Онежские былины, записанные А. Ф. Гильфердингом летом 1871 года. – Т. 1–3. – Москва; Ленинград, 1949–1951.
- Песни, собранные П. В. Киреевским. Вып. 1–6. – Москва, 1860–1864.
- Песни, собранные П. Н. Рыбниковым. – Т. 1–3. – Москва, 1909–1910.
- Прозоров Л. Р. Раса и этнос в былинах / Л. Р. Прозоров // <http://www.ruskolan.xpomo.com>
- Русские былины новой и недавней записи из разных местностей России / Под ред. В. Ф. Миллера. – Москва, 1908.
- Русские былины старой и новой записи / Под ред. Н. С. Тихонравова и В. Ф. Миллера. – Москва, 1894.
- Сказитель Ф. А. Конашков / Подготовка текстов, вводная статья и комментарии А. М. Линевского. – Петрозаводск, 1948.

Geography of Bylinas in Semantic Opposition *Own – Alien* Summary

The article deals with the semantic opposition *own – alien* as one of the most significant elements of both the national picture of the world and national culture in general. The opposition occupies a significant role in a great

number of different beliefs, customs, in domestic practice and social life, in religious and family etiquette.

The author of the article gives special attention to a multilevel system of 'identification signals' found in bylinas and claims that the prevailing number of proper nouns exposes historically reliable anthroponyms, ethnonyms and real toponyms. The tendency to distinguish between western and eastern neighbours on the basis of their titles which were common for representatives of the authority is evident in the epic tradition.

The article thoroughly investigates the world of bylinas during the period of the 'kings' reign'.

Keywords: *folklore, own – alien, bylina, geography of bylinas.*